

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 1. С. 72–107
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 7, no. 1 (2023): 72–107

Научная статья

УДК 93.27:316.36

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-1-2>

Влияние христианской церкви на формирование репродуктивного поведения в древнерусской семье

Светлана Владимировна Омелянчук

Российский институт театрального искусства – ГИТИС,
Москва, Россия,

omelyanchuks@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8161-8552>

Svetlana V. Omel'yanchuk

Russian Institute of Theatre Arts – GITIS,
Moscow, Russia,

omelyanchuks@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8161-8552>

Аннотация. В статье рассматривается роль церкви в формировании репродуктивного поведения в древнерусской семье. Историографический анализ проблемы показывает, что до настоящего времени она не получила окончательного разрешения ни в отечественной, ни в зарубежной литературе. Христианство играло значительную роль в поддержании значимости деторождения в древнерусском обществе, провозглашая появление потомства главной целью брака. Эта позиция церкви была близка мирянам, для которых рождение наследника означало возможность передать ему нажитое имущество, социальный статус, власть, обеспечить поминовение души. В средневековом обществе ответственность за отсутствие детей возлагалась на женщину. Бездетность для нее чаще всего означала пострижение в монастырь, иногда насильственное. Принятие бесплодной женой пострига было единственной возможностью для мужчины расторгнуть бездетный союз и получить надежду на отцовство в новом браке. Учитывая важность продления рода, супруги старались любыми способами получить долгожданное потомство. Для решения проблемы чадородия они обращались за помощью не только к христианской церкви, но и к языческим обрядам, вызывая недовольство церкви, выступавшей против любых проявлений язычества. С точки зрения христианства, рождение ребенка – это дар Божий, следовательно, получить его можно только с помощью веры и молитвы. Священники вели ожесточенную борьбу против любых способов недопущения беременности, ее прерывания. Строго наказывались мужья, действия которых создавали угрозу прерывания беременности у их жен. Еще более решительные действия предпринимала церковь в борьбе с убийством новорожденных. Она постоянно ужесточала ответственность матери за это преступление: от строгой епитимии до

© Омелянчук С.В., 2023

© Omel'yanchuk S., 2023

смертной казни. Автор приходит к выводу, что в древнерусском обществе церковь взяла на себя функцию формирования репродуктивного поведения. Она сводилась, с одной стороны, к поощрению многодетности, борьбе с различными действиями, направленными на предотвращение беременности или избавление от ребенка, а с другой – к противодействию любым пережиткам язычества, даже если они использовались для преодоления проблемы бесплодия.

Ключевые слова: христианство, язычество, семья, дети, бесплодие, беременность, контрацепция, аборт

Для цитирования: Омелянчук С.В. Влияние христианской церкви на формирование репродуктивного поведения в древнерусской семье // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 1. С. 72–107. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-1-2>

The Influence of the Christian Church on the Formation of Reproductive Behavior in the Old Russian Family

Abstract. The article examines the role of the church in the formation of reproductive behavior in the Old Russian family. The historiographical analysis of the problem shows that it has not been solved in either domestic or foreign literature. Christianity played a significant role in maintaining the importance of childbearing in ancient Russian society, proclaiming the appearance of offspring as the main purpose of marriage. This position of the church was close to the laity, for whom the birth of an heir meant the opportunity to pass down the acquired property, social status and power to children, to ensure prayer for the dead. In medieval society, the responsibility for the absence of children was assigned to a woman. Her childlessness was often followed by taking the monastic veil, sometimes forcibly. Taking the veil by his wife was the only opportunity for a man to terminate a childless marriage and get a chance of hope for fatherhood in a new marriage. Given the importance of procreation, married couples tried to have the long-awaited offspring by any means. To solve the problem of childbearing, they turned for help not only to the Christian church but also to pagan rituals, thus causing discontent of the church, which opposed the manifestations of paganism in matters of conception. From the Christian point of view, the birth of a child is a gift from God, and therefore it can be obtained only with the help of faith and prayer. The priests waged a fierce struggle against any means of preventing pregnancy and its termination. The husbands whose actions threatened to terminate their wives' pregnancies were severely punished. Even more decisive actions were taken by the church in the fight against the murder of newborns. It constantly tightened the mother's responsibility for this crime, from strict penance to the death penalty. The author comes to the conclusion that in ancient Russian society the church assumed the function of forming reproductive behavior. It was reduced, on the one hand, to encouraging large families with many children and combating any actions aimed at preventing pregnancy or getting rid of a child and, on the other hand, to countering any vestiges of paganism, even if they were used to overcome the problem of infertility.

Keywords: Christianity, paganism, family, children, infertility, pregnancy, contraception, abortion

For citation: Omel'yanchuk, S.V. "The Influence of the Christian Church on the Formation of Reproductive Behavior in the Old Russian Family." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 7, no. 1 (2023): 72–107. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-1-2>

Введение

В любой исторический период важнейшими функциями семьи остаются рождение и воспитание детей. На формирование репродуктивного поведения людей оказывает влияние целый ряд факторов: экономические, социально-демографические, культурные, психологические и пр. В Средние века одним из наиболее значимых из них являлся религиозный фактор. Целью данной работы является рассмотрение влияния христианской церкви на репродуктивное поведение в древнерусской семье. Хронологические рамки нашего исследования включают период с конца X в. – времени принятия христианства, по конец XVII в., когда начавшиеся петровские преобразования, сопровождавшиеся секуляризацией всех сторон жизни общества, заметно снизили влияние христианства на брачно-семейные отношения в русском обществе.

В отечественной историографии заявленной проблемы можно выделить три периода: дореволюционный, советский и современный (с конца 1980-х гг.).

В дореволюционный период проблема формирования репродуктивного поведения в древнерусской семье и влияние на него христианства не выделялась из общего контекста изучения семьи и брака, а вопросы, связанные с регулированием рождаемости, рассматривались в рамках исследования положения женщины в семье, а также правового регулирования личных отношений между супругами, родителями и детьми¹. В этот период появились работы, посвященные вопросам развития древнерусской медицины², затрагивавшие в том числе проблему влияния христианства на этот процесс. Особый интерес представляет труд Г.И. Попова по истории народной медицины, в котором были систематизированы этнографические материалы, связанные с народными методами лечения³.

---

¹ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Киев: Издание книжного магазина Н.Я. Оглоблина, 1915; *Добряков А.* Русская женщина в до-монгольский период. Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и компании, 1864; *Неволин К.А.* Полное собрание сочинений: в 6 т. Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Праца, 1857. Т. 3. История российских гражданских законов, ч. 1. Введение, кн. 1. О союзах семейственных; *Смирнов С.И.* «Бабы богомерзкие» // «А се грехи злые, смертные...»: Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX века: в 3 кн. / составители Н.Л. Пушкарева, Л.В. Бессмертных. Москва: Ладомир, 2004. Кн. 2. С. 265–296; *Шашков С.С.* История русской женщины. Санкт-Петербург: Типография А.С. Суворина, 1879.

² *Загоскин Н.П.* Врачи и врачебное дело в старинной России. Казань: Типография Императорского Университета, 1891.

³ *Попов Г.* Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. Санкт-Петербург: Типография А.С. Суворина, 1903.

В советский период вопросу влияния церкви на репродуктивное поведение населения не уделялось внимания вплоть до середины XX столетия. Первой работой, касавшейся влияния христианства на повседневную жизнь древнерусской семьи, стало исследование Б.А. Романова⁴, впервые изданное в 1947 г. В нем были затронуты вопросы, связанные с отношением церкви к прерыванию беременности, а также к непредумышленным и умышленным убийствам новорожденных. В 1949 г. в обобщающей работе, посвященной развитию общественно-политического строя и права Древнерусского государства, С.В. Юшков также уделил внимание проблеме репродуктивного поведения⁵. Разработка историко-медицинской тематики в советской историографии связана с именами ученых Н.А. Богоявленского и М.Б. Мирского⁶, рассматривавших в том числе и влияние язычества и христианства на развитие лечебного дела в Древней Руси.

Со второй половины 80-х гг. наступает новый период в историографии проблемы, характерной чертой которого стали методологический плюрализм и расширение предметного поля исследования. Н.Л. Пушкарева в своих работах, предметом исследования которых стала древнерусская женщина, коснулась и проблемы семьи в Древней Руси⁷. Непосредственно репродуктивному поведению древнерусской женщины она посвятила одну из своих работ, в которой затронула вопросы отношения церкви к регулированию числа детей в древнерусской семье, женщины – к беременности и родам, а также проблемы выхаживания новорожденных⁸. Современные ученые уделяют внимание и различным аспектам межличностных отношений в древнерусской семье. Сексуальности и «детопроизводству» в древнерусском обществе посвящено

---

⁴ Романов Б.А. Люди и нравы древней Руси. Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. Москва; Ленинград: Наука, 1966.

⁵ Юшков С.В. Общественно политический строй и право Киевского государства. Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1949.

⁶ Мирский М.Б., Богоявленский Н.А. Медицина Древней Руси. Москва: Родина, 2018.

⁷ Пушкарева Н.Л. Женщины в Древней Руси. Москва: Мысль, 1989; Пушкарева Н.Л. Мать и материнство на Руси (X–XVII вв.) // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени / под редакцией Ю.Л. Бессмертного. Москва: РГГУ, 1996. С. 305–341.

⁸ Пушкарева Н.Л. Репродуктивное поведение древнерусских женщин (X–XV вв.): поведенческие нормы церковных книг сквозь призму традиций и эмоций // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН (Смоленск, 13–16 октября 2016 г.): в 2 т. / под редакцией Н.Л. Пушкаревой, Н.А. Мицюк. Москва: ИЭА РАН; Смоленск: СмолГУ, 2016. Т. 1. С. 196–199.

исследование Е. Мороз⁹, деторождение и выхаживание младенцев рассмотрены в работе В.В. Долгова¹⁰.

Вопрос формирования репродуктивного поведения в древнерусской семье затрагивается и в современных историко-правовых исследованиях. Так, в работах В.В. Момотова¹¹ и Н.С. Нижник¹² рассматривается роль церковного и светского права в вопросах регулирования рождаемости в древнерусской семье. Изучению языческих и христианских представлений о причинах возникновения болезней и способах их излечения посвящены работы А.С. Малаховой, С.Н. Малахова, В.В. Долгова, Р.З. Симонян и др.¹³ Однако проблемы, связанные с репродуктивным здоровьем населения Древней Руси, практически не попадали в поле зрения исследователей.

В зарубежной историографии вопросы формирования репродуктивного поведения в средневековой семье рассматривались также в рамках истории повседневности. Большой вклад в исследование проблемы детства внес французский историк Ф. Арьес¹⁴. В работе американской исследовательницы Е. Левиной раскрывается отношение древнерусского духовенства к использованию женщинами разных способов предотвращения и прерывания беременности¹⁵. Другие вопросы репродуктивного поведения в древнерусской семье остались вне поля зрения зарубежных авторов.

Таким образом, исследователи, сосредоточившись преимущественно на изучении женщины, материнства и межличностных отношений в Древней

---

⁹ Мороз Е. Веселая Эрата: Секс и любовь в мире русского Средневековья. Москва: Новое литературное обозрение, 2011.

¹⁰ Долгов В.В. Детство как социальный феномен в контексте древнерусской культуры XI–XIII вв. Отношение к ребенку и стадии взросления // Социальная история. Ежегодник. 2007 / под редакцией Н.Л. Пушкаревой. Москва: РОССПЭН, 2008. С. 67–85.

¹¹ Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. Москва: ЗЕРЦАЛО-М, 2003.

¹² Нижник Н.С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2006.

¹³ Малахова А.С. Человек и болезнь в повседневной жизни Древней Руси (X – начало XVII в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставропольский государственный университет, 2011; Малахова А.С., Малахов С.Н. Феномен болезни в сознании и повседневной жизни человека в Древней Руси (XI – начало XVII века). Армавир: Дизайн-студия Б, 2014; Долгов В.В. Представления о причинах заболеваний в общественном сознании Древней Руси XI–XIV вв. // Врач-аспирант. 2004. Т. 62, № 1. С. 52–58; Симонян Р.З. История медицины: с древнейших времен до современности. Чебоксары: Среда, 2020.

¹⁴ Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999.

¹⁵ Левина Е. Секс и общество в мире православных славян 900–1700 // «А се грехи злые, смертные...» Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.) / под редакцией Н.Л. Пушкаревой. Москва: Ладомир, 1999. С. 239–491.

Руси, а также на историко-правовых и медицинских аспектах репродуктивного поведения древнерусской семьи, оставили вне поля зрения влияние на него христианства. Этот пробел в историографии и призвана восполнить в некоторой степени данная статья.

Основная часть

В древнерусском обществе дети воспринимались как необходимая составляющая любой семьи. С ними связывали надежды не только на продолжение рода, но и на участие в хозяйственной деятельности семьи, в заботе о ее материальном благополучии, наследовании семейного имущества, сохранении в рамках семьи определенного социального статуса, а также мира и стабильности в государстве, которые обеспечивались спокойной передачей власти от отца к сыну. Поэтому нет ничего удивительного в том, что представители всех сословий очень серьезно относились к вопросам брака и деторождения.

Большую роль в поддержании значимости деторождения в русском обществе играло христианство. Единственным путем спасения и искупления первородного греха, по мнению апостола Павла, является «чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием»¹⁶. Поэтому, с точки зрения церкви, сексуальные отношения возможны только в браке и с целью продолжения рода, ибо «всякий иже кроме только детородия» вступит в половую близость жертвует «диаволу свое семя»¹⁷.

Подобным образом реализации главной цели христианского брака, изображенным в летописях, стала семья великого князя Дмитрия Донского. За 24 года совместной жизни с супругой Евдокией у них родилось 12 детей, но при этом, как пишет В.Н. Татищев, Дмитрий Иванович

целомудренно жил, плоти угодия не творил, добрым и крепким кормчим плоти своей быв, направляемый высшим помыслом¹⁸.

А великий князь Василий III, обращаясь перед смертью к своей второй супруге Елене Глинской, прямо обозначил цель своего с ней супружества: «Любезная супруга моя, я тебя взял для чадородия, и Бог нас утешил по желанию»¹⁹.

¹⁶ Апостола Павла 1-е послание к Тимофею. Гл. 2. Ст. 15 // Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/biblia/in/?1Tim.2:15&r> (дата обращения: 05.05.2021).

¹⁷ Смирнов С.И. Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта. Москва: Синодальная типография, 1913. С. 144.

¹⁸ Татищев В.Н. История Российская: в 3 т. Москва: АСТ, 2003. Т. 3. С. 220.

¹⁹ Татищев В.Н. История Российская. Т. 3. С. 528.

Церковь формировала убеждение, что рождение ребенка – благодать, дарованная Богом. Эта идея настолько глубоко вошла в сознание людей, что нашла отражение и в народной мудрости: «Рыбку да утку трудами взять, а малых деточек Бог даст»²⁰; «У кого детей много, тот не забыт от Бога»²¹. Повышению социальной значимости деторождения должна была способствовать формируемая духовенством уверенность в том, что истинную славу мужчины составляют ни власть, ни богатство, ни подвиги, а его дети, и только они помогают женщине раскрыть свою истинную сущность – материнство: «Господь прославил отца о чядехъ, и соуть матрнь оутвердилъ есть о чадахъ»²². Поэтому со временем важность и желанность рождения детей закрепились не только в проповедях священников – «сладка есть беседа родившему дети своих»²³, но и в народных пословицах: «У кого детки, у того и ягодки»²⁴; «Всегда отец будет веселиться, когда сын родится»²⁵.

Но и без участия церкви, представители всех сословий хорошо понимали необходимость рождения наследника. Так, например, в начале XV в. «Федосья Филиппова жена» жила «есмь с своим мужем полчетвертацать лет» в бездетном браке. И овдовев, столкнулась с проблемами не только материального характера (некому передать нажитое имущество), но и духовного (кто будет поминать их с мужем души после смерти). Решением проблемы этой семьи стало усыновление мальчика Тимошки, на которого Федосья смогла «списати остяжании мужа своего и о своем» и возложить заботу о посмертном поминании «о души мужа своего и о своей...»²⁶.

В отношении семей, в которых один из супругов вдовел до появления детей, церковь шла на уступки, разрешая повторные браки вплоть до третьего. Митрополит Фотий в послании в Новгород о соблюдении законоположений церковных писал:

---

²⁰ Буслаев О. Русские пословицы и поговорки // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым: в 3 кн. Москва: Типография Александра Семена, 1854. Кн. 2. Половина вторая. С. 194.

²¹ Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи. Москва: Университетская типография, 1848. С. 413.

²² Изборник 1076 г. / составители В.С. Голышенко и др. Москва: Наука, 1965. С. 412.

²³ Цит. по: Пушкарева Н.Л. Женщины в Древней Руси. С. 93.

²⁴ Буслаев О. Русские пословицы и поговорки. С. 147.

²⁵ Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи. С. 47.

²⁶ Грамота Митрополита Киприана вдове Феодосье, на усыновление приемьша, и Духовная запись ея, в пользу приемьша своего // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею: в 5 т. Санкт-Петербург: Типография Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1841. Т. 1. С. 484.

А третье бы поиманье не было, но аще кто будет млад, а детей не будет у него от первого брака, ни от второго...²⁷

Если для бездетных вдов и вдовцов существовало послабление, дававшее возможность решить проблему отсутствия наследника, то для супругов в браке она становилась почти неразрешимой. Древнерусское законодательство не предусматривало возможности расторжения брака по причине отсутствия детей. В таком случае для супруга, жаждавшего рождения наследника, оставался один путь – пострижение жены в монахини, что давало ему возможность вступить во второй брак и рассчитывать на появление потомства.

Именно в такой ситуации оказался великий князь Василий III, который прожил со своей женой Соломонией Сабуровой 20 лет в бездетном браке. Отсутствие наследника создавало сложную ситуацию с передачей великокняжеского престола. Тогда, как указывает Софийская летопись, великий князь

начать думати со своими бояры о своей великой княгине Соломони, что неплодна есть, и нача с плачем говорити к бояром: «кому по мне царствовати на Руской земли, и во всех градах моих и приделех? братьи ли дам? ино братья и своихъ уделов не умеют устраивати»²⁸.

И по совету бояр, которые настаивали на том, что «неплодную смоковницу посекают и измещут из винограда», повелел «ю пострици в черницы»²⁹.

Но, как справедливо указывает В.В. Момотов, «данное основание для развода (отсутствие детей. – С. О.) в истории права известно как юридический факт, а не как правовая форма»³⁰.

По данным Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ), в настоящее время в среднем около 5 % популяции людей бесплодны в силу анатомических, генетических, эндокринных и иммунологических факторов³¹.

---

²⁷ Послание митрополита Фотия в Новгород о соблюдении законоположений церковных // Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. (Памятники XI–XV в.) / под редакцией А.С. Павлова. Санкт-Петербург: Типография М.А. Александрова, 1908. Стб. 273.

²⁸ Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Праца, 1853. Т. 6. Софийские летописи. С. 29–30.

²⁹ Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. Т. 6. Софийские летописи. С. 30.

³⁰ Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. С. 177.

³¹ Фахрисламова Р.Т. Феномен женской бездетности в России: исторические и социальные предпосылки // Социологический журнал. 2014. № 3. С. 38.

А.Г. Вишневский полагает, что и в допромышленную эпоху супружеские пары довольно часто сталкивались с проблемой бесплодия³². Их доля, вероятно, была не меньше, чем указывает ВОЗ.

Ситуация с зачатием детей могла усугубляться еще и тем, что церковь ограничивала половую близость супругов, запрещая соитие в посты, праздники и в дни с пятницы по воскресенье. Так, священники настаивали на том, чтобы муж и жена воздерживались от близости в первую и последнюю недели великого поста, «также и к рождеству христову пост и к петрову дни»³³. На супругов «блудивших» «противу праздника... или в субботу, или неделю, и в среду, и в пяток» накладывали епитимью³⁴. Несмотря на то, что еще в XII в. новгородский епископ Нифонт призвал «съжечи» книги, в которых говорилось, что ребенок зачатый «въ неделю и въ соуботу и въ пятокъ... боудеть любо тать, любо разбоиникъ, любо блоудникъ, любо трепетивъ»³⁵, это положение получило распространение во многих епитимийных сборниках и в более позднее время³⁶. Как указывает американская исследовательница Е. Левина,

если супружеская пара строго соблюдала воздержание в посты и праздники, а также в период менструаций, это означало, что соитие не имело места на протяжении не менее трехсот дней в году³⁷.

Посему многие супружеские пары сталкивались с проблемой отсутствия детей.

Учитывая важность продления рода для семьи, супруги старались любыми способами получить долгожданное потомство. В рассматриваемый нами период христианство не успело глубоко проникнуть в сознание подавляющего большинства населения, поэтому христианские обряды часто соседствовали с языческими. Для решения проблемы чадородия древнерусские семьи обращались к помощи и тех, и других.

По мнению С.И. Смирнова, древнерусская женщина долго противилась христианству, сохраняя в доме – близ очага – старое язычество³⁸. Несмотря на то, что в древнерусских памятниках в качестве хранителей языческой мудрости

---

³² Вишневский А.Г. Эволюция российской семьи // Экология и жизнь. 2008. № 7. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430650 (дата обращения: 05.05.2021).

³³ Смирнов С.И. Древнерусский духовник. С. 119.

³⁴ Алмазов А. Тайная исповедь в православной восточной церкви. Опыт внешней истории. Исследование преимуществ по рукописям: в 3 т. Одесса: Типо-литография Штаба Одесского военного округа, 1894. Т. 3. Приложения. С. 151.

³⁵ Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа новгородского, и других иерархических лиц // Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Стб. 44.

³⁶ Смирнов С.И. Древнерусский духовник. С. 29, 154, 242.

³⁷ Левина Е. Секс и общество в мире православных славян 900–1700. С. 318.

³⁸ Смирнов С.И. «Бабы богомерзкие». С. 286.

упоминаются как мужчины, так и женщины, автор «Повести временных лет» настаивает на том, что «паче же женами бесовьская волышвенья бывають...»³⁹. И в более позднее время, в XV в., митрополит Фотий в своем послании в Новгород в качестве главных хранителей и распространителей язычества называет «лихих баб» и, грозя гневом Божиим и отлучением от церкви, требует, чтобы прихожане «басней не слушали ... не принимали ни узловъ, ни примольвлениа, ни зелья, ни вороженья»⁴⁰.

Именно к этим «лихим бабам» чаще всего обращались женщины, жаждущие рождения ребенка. О частоте таких обращений свидетельствуют многочисленные епитимийники. Так, в XII в. священник Илья интересовался у епископа Нифонта, что предпринимать, если с целью зачатия («еже детии деля») женщины обращаются к кудесницам, и эти «жены» «творять что любо»⁴¹, т.е. пытаются волхованием добиться достижения беременности. В XV в. исповедники спрашивали женщин: «Ставливала ли дети с бабами?» Если оказывалось, что она «детище» родила с помощью «волшебства», новоявленная мать шесть лет не допускалась к причастию⁴².

О репродуктивных методиках, используемых «лихими бабами», также свидетельствуют памятники епитимийной литературы. Наиболее часто используемым средством были зелья. Так, одним из распространенных женских грехов был «аще жена зелием детей ищет»⁴³, а среди часто встречавшихся вопросов, которые задавал исповедник женщинам, можно назвать «Пила ли еси зелия каковы себе дети деля?»⁴⁴

Одним из ингредиентов такого снадобья могла быть царь-трава (манжетка обыкн.), которая обычно использовалась в качестве основы для приворотного зелья («Аще муж жены не любит, и нехай поставит против мужа, аще увидит, любити нечнет»), а также, если «которой жоне детей не есть». В этом случае необходимо было сварить ее «у молце» и пить «порану по три утра на дще сердце (натошак). А первый отрок будет, и потом девица»⁴⁵.

³⁹ Повесть временных лет. По Лаврентьевской летописи 1377 г.: в 2 ч. / под редакцией В.П. Адриановой-Перетц. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1950. Ч. 1. С. 120.

⁴⁰ Послание митрополита Фотия в Новгород о соблюдении законоположений церковных // Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Стб. 274.

⁴¹ Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа новгородского, и других иерархических лиц. Стб. 60.

⁴² Алмазов А. Тайная исповедь в православной восточной церкви. С. 165, 39.

⁴³ Смирнов С.И. Древнерусский духовник. С. 47.

⁴⁴ Алмазов А. Тайная исповедь в православной восточной церкви. С. 165.

⁴⁵ Книги лечебныя, от многих лекаров собраные, о корениях и о зелиях // Редкие источники по истории России: в 2 вып. / составители З.Н. Бочкарева, М.Е. Бычкова. Москва: Институт истории СССР АН СССР, 1977. Вып. 1. С. 108–109.

В качестве действенного средства для зачатия рекомендовалось также съесть «детиноу поупорезиноу»⁴⁶ (пуповину) и «ложа детии»⁴⁷ (плаценту).

Столкнувшись с проблемой бездетности, за помощью к «лихим бабам» обращались представительницы разных сословий, в том числе княгини. Так, «немилостливый» характер полоцкого князя Брячеслава Изяславича летопись объясняет тем, что «мати роди его от волхвования»⁴⁸. Как следует из «Сказки Ивана Юрьевича Сабурова по розыскному делу о неплодии Великой княгини Соломонии Юрьевны», великая княгиня пользовалась услугами некой женки Стефаниды по прозвищу Рязанка. Смочив живот Соломонии специально наговоренной водой, Стефанида якобы определила, что у великой княгини «детем не быти». Для Соломонии это было приговором. Чтобы не потерять супруга и свой высокий статус, как указывает сказка из розыскного дела, Соломония Сабурова согласилась использовать созданный Рязанкой приворот «чтоб Князь Великий меня любил...». Как всякая женщина, желающая родить ребенка, Соломония не теряла надежды на его появление, поэтому, узнав о некой чернице, занимавшейся волхвованием, велела привести ее к себе. И та черница, как показывает Иван Юрьевич Сабуров,

наговаривала не помню масло, не помню мед пресной, да посылала Великой Княгине..., а велела ей тем тертиса от того ж, чтобы ее Князь Великий любил, да и детей деля⁴⁹.

Но, как известно, все эти ухищрения не помогли и Соломония Сабурова была пострижена в монахини.

Однако и второе супружество Василия III не сразу принесло долгожданного наследника. Только через четыре года после заключения брака с Еленой Глинской родился будущий царь Иван IV. Князь Андрей Курбский в своей «Истории о делах великого князя Московского» в полемическом запале обвинял Василия III в том, что он «сам стар будуще, искал чаровников презлых отовсюду», чтобы те помогли ему в «плодотворении»⁵⁰.

⁴⁶ Алмазов А. Тайная исповедь в православной восточной церкви. С. 165.

⁴⁷ Смирнов С.И. Древнерусский духовник. С. 65.

⁴⁸ Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. Т. 5. Псковские и Софийские летописи. С. 138.

⁴⁹ Сказка Ивана Юрьевича Сабурова, из розыскного дела о неплодии Великой Княгини Соломонии Юрьевны // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею: в 5 т. Т. 1. С. 192.

⁵⁰ Курбский А.М. История о делах великого князя московского / издание подготовил К.Ю. Ерусалимский. Москва: Наука, 2015. С. 150.

Духовенство же внедряло в сознание древнерусского человека мысль о том, что болезнь чаще всего является наказанием человека за его грехи. Игумен Новгородского Антониева монастыря Моисей в своем поучении «О безвременьемъ пьянстве» писал, что главной причиной любой болезни является склонность человека к излишествам в еде, питье, сне, в сексуальных удовольствиях, и если

все ты похотения деяти будеть без времени и без меры, то грех будеть в души, а недуг в телеси⁵¹.

По мнению Г. Попова, бесплодие на Руси, как и любая болезнь, воспринималось карой за грехи мужа, жены или их родителей, а выкидыши приписывались таким прегрешениям матери, как несоблюдение постов, нерадивость в молитве, неверность мужу, половая близость с супругом во время религиозных праздников. Поэтому религиозные средства считались самыми действенными в борьбе с бесплодием⁵².

Как считает А.С. Малахова, в древнерусском обществе сформировался целый комплекс так называемых теургических терапевтических средств. Под теургической медициной подразумевается лечение, непосредственно апеллирующее к силе Бога и использующее предметы религиозного культа. Как пишет автор, лечебными свойствами наделялось все, что имело отношение к церкви: крест, икона, облачение, церковные книги и тексты этих книг, молитвы, мощи святых, святая вода и пр.⁵³ Самыми действенными средствами в борьбе с бесплодием, пишет Г. Попов, считались богомолье и обеты⁵⁴.

Рождение великого князя Василия Ивановича (будущего Василия III) может служить примером применения средств теургической медицины. Как сказано в летописи, после рождения трех дочерей Иван III и его супруга Софья молили Бога «дабы даровал им сынове родити». Для достижения этой цели «христоролюбивая великая княгиня Софиа» отправилась в паломничество в монастырь «преподобнаго чудотворца Сергия», чтобы «помолитися о чадородии сынов». Придя в монастырь, Софья долго молилась, «целебносныя

---

⁵¹ Поучение Моисея о безвременьемъ пьянстве // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. / под редакцией Д.С. Лихачева и др. Санкт-Петербург: Наука, 1997. Т. 4. XII век. С. 284.

⁵² Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. С. 326.

⁵³ Малахова А.С. Человек и болезнь в повседневной жизни Древней Руси (X – начало XVII в.). С. 18–20.

⁵⁴ Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. С. 326.

мощи преподобнаго Сергия любезно целова». И, как утверждает летописец, «от того чудеснаго времени зачатся во чреве ея Богом дарованный наследник Русскому царствию»⁵⁵.

Неудивительно, что, столкнувшись с проблемой отсутствия наследника в собственном браке, Василий Иванович повел себя как истинный христианин и использовал весь набор методов, которые могла предложить ему церковь. Летопись указывает, что Василий III не впадал в уныние, не сомневался в милости Божьей и постоянно молился («неумали подвига к Богу в молитве и не усомнися долгаго времени безчадствия и не уны со прилежанием просити»), раздавал милостыню нищим («не преста растощати богатства нищим»), совершал паломничества по святым местам («во области царствия своего обхожаше грады и честныя обители»), строил церкви и основывал монастыри («наипаче воздвизая чудныя монастыря и святыя церкви имени Божию и Пречистой Богородицы и всем святыя поставляя»), украшал иконы («и святых икон воображения украшая»). Именно следствием глубокой веры великого князя, полагал летописец, стало то, что «Бог розверзе союз неплодства его и дарова ему родити сына, наследника державе его...»⁵⁶.

Большое значение придавалось молитвам не только Богу и Пречистой Богородице, но и святому Роману Чудотворцу, а также священномученику Ипатию Чудотворцу, которые почитались в народе «разрешителями неплодства и безчадия»⁵⁷. Однако церкви так и не удалось полностью христианизировать древнерусское общество. Со временем языческие заговоры, привычные для людей, обрастали христианскими формулировками и символикой, превращаясь в апокрифические молитвы. Как отмечают А.С. Малахова и С.Н. Малахов, народные лечебные заговоры считались церковью проявлением язычества и колдовства, но, со временем приобретя христианизированную форму, получили настолько широкое распространение в народе, что духовенство уже не могло просто запретить подобные методы лечения и было вынуждено учитывать народно-религиозную ментальность общества⁵⁸.

---

⁵⁵ Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. Т. 12. VIII Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью. Санкт-Петербург: Типография И.Н. Скороходова, 1901. С. 190–191.

⁵⁶ Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. Т. 21. Половина 2. Книга степенная царского родословия. Санкт-Петербург: Типография М.А. Александрова, 1913. С. 606.

⁵⁷ *Калинский И.П.* Церковно-народный месяцеслов на Руси. Санкт-Петербург: Типография В. Киршбаума, 1877. С. 62, 118.

⁵⁸ *Малахова А.С., Малахов С.Н.* Феномен болезни в сознании и повседневной жизни человека в Древней Руси (XI – начало XVII века). С. 159–160, 175.

Чадородие было безусловной ценностью средневекового общества. Однако жизнь не всегда укладывалась в рамки общепринятых представлений и образцов поведения. Случалось, что в бедных семьях родители не могли прокормить большое количество детей, и тогда народная мудрость ставила значимость многочадия под сомнение: «Без детей горе, а с детьми вдвое»⁵⁹, «Дети на руках железа. Не устанешь детей рожаючи, а устанешь на места сажаючи»⁶⁰. Да и сексуальная жизнь средневекового человека не всегда проходила сугубо в рамках одобряемого христианской церковью брака, а рождение ребенка в отношениях подобного рода становилось большой проблемой для его матери, сталкивавшейся не только с общественным осуждением, но и с трудностями материального характера.

Несмотря на то, что церковь решительно осуждала любые попытки недопущения беременности, приравнивая их к убийству («яко оубийца запрещается») ⁶¹, практика использования противозачаточных средств все же существовала. Об этом свидетельствуют исповедные вопросники, обязывавшие священника интересоваться у прихожанок, не употребляли ли они «былие» (противозачаточное средство), не «запечатала ли еси дети в себе»⁶².

Изготовлением контрацептивов, по всей видимости, занимались все те же «лихие бабы». Противозачаточные средства существовали в виде зелий, которые употреблялись или перорально («яла или пила еси зелие, чтоб дети не родити»), или вагинально («отрави ложесна (лоно) своя и к тому дети не рождает») ⁶³. Среди трав, которые могли бы препятствовать зачатию, древнерусский лечебник упоминает каоган (калган): «Если бы его жонка розорвавши у ву рте держала, того дня не зачнет». Правда, автор рекомендует не делать эту информацию доступной для женщин («того не годится жонкам поведати») ⁶⁴.

Действенность и эффективность перечисленных способов контрацепции вызывает серьезные сомнения. В ситуациях, когда подобные меры не срабатывали и нежелательная беременность все же наступала, женщины порой прибегали к аборту. О существовании подобной практики в Древней Руси свидетельствуют многочисленные исповедники и епитимийники: «Детя в собе или в подрузе злобою зельем ци растворила еси»⁶⁵; «дитя розказила еси в

⁵⁹ Буслаев О. Русские пословицы и поговорки. С. 78.

⁶⁰ Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи. С. 110, 294.

⁶¹ Алмазов А. Тайная исповедь в православной восточной церкви. С. 36.

⁶² Алмазов А. Тайная исповедь в православной восточной церкви. С. 35–36, 165.

⁶³ Алмазов А. Тайная исповедь в православной восточной церкви. С. 35–36, 179.

⁶⁴ Книги лечебныя, от многих лекаров собраные, о коренях и о зелиях. С. 18.

⁶⁵ Алмазов А. Тайная исповедь в православной восточной церкви. С. 159, 160, 162.

собе»; «Отроча ... пив зелие извергла еси»⁶⁶. Искусственное прерывание беременности вызывало резкое осуждение со стороны церкви. Священники утверждали, что «всяка жена скажающа в себе отроча, душегубица наречется»⁶⁷. В качестве наказания за этот грех на женщину налагалась епитимия, суровость которой зависела от срока прерывания беременности: «аще зарод еще» – 5 лет епитимии, «аще образ есть» – 7 лет, «аще живое» – 15 лет⁶⁸.

Иногда беременность прерывалась непреднамеренно, без умысла со стороны женщины. Дело в том, что в крестьянской среде женщин во время беременности не освобождали от тяжелой работы даже на поздних сроках, что приводило к выкидышам («аже жены делающе что любо страдоу, и вережаются и изметають»). Учитывая, что в этом случае доказать умысел женщины было невозможно, ее освобождали от наказания: «Аже не зелеемь вережають, нетоу за то опитемья», – указывал новгородский епископ Нифонт⁶⁹.

Даже слишком усердное исполнение женщиной церковных обрядов могло закончиться выкидышем. Поэтому епископ Илья призывал священников не разрешать будущим матерям «кланяться на коленях, ни рукою до земли, ни (даже) в великий пост: от того бо вережаются и изметають младенца»⁷⁰.

Боролось духовенство и с равнодушным отношением к беременным со стороны их мужей, возлагая на них ответственность за сохранение ребенка: если муж «риняся пьянь на женоу свою, вередить въ неи детя», на него налагалась епитимья⁷¹.

Еще более решительные действия предпринимала церковь в борьбе с убийствами новорожденных. Если таковое было непредумышленным, например, ребенок умирал в результате небрежности родителей во время сна, когда те «оу себе кладоуть дети спяче, и оугнетають»⁷², то на виновника накладывалась епитимья. Ее суровость зависела от того, был ли ребенок крещен или нет: «Аще умрет младенець в нощи близ родителя своего некрещено семи днеи опетимья 40 дни. Аще ли 40 дни и умреть некрещено в

⁶⁶ Смирнов С.И. Древнерусский духовник. С. 41, 127, 242.

⁶⁷ Смирнов С.И. Древнерусский духовник. С. 28.

⁶⁸ Вопросы и ответы о разных случаях пастырской практики // Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Стб. 862.

⁶⁹ Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа новгородского, и других иерархических лиц. Ч. 1. Стб. 58.

⁷⁰ Поучение новгородского архиепископа Ильи (Иоанна) // Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Стб. 363.

⁷¹ Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа новгородского, и других иерархических лиц. Стб. 60.

⁷² Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа новгородского, и других иерархических лиц. Стб. 58.

нощи опитемыи год»⁷³. Если родители в этот момент были трезвыми, то, как считал епископ Нифонт, наказание может быть «легъчае», если же – в состоянии алкогольного опьянения («пьяни»), то произошедшее приравнялось к умышленному убийству («то оубийство есть»)⁷⁴.

Ответственность матери за предумышленное убийство новорожденного была еще более суровой. Так, 6-я статья Пространной редакции Церковного Устава князя Ярослава в случае, если «женка без своего мужа или при мужи дитяти добудеть, да погубить, или в свиньи ввержетъ, или утопить», предусматривала ее помещение в «дом церковный»⁷⁵. Дополнительной мерой наказания для таких женщин также становилась епитимья, но более суровая: «Аще которая жена дитя оудавить 3 лет да покается в хлебе и в воде»⁷⁶.

Для формирования правильного репродуктивного поведения необходимо было не только сурово наказывать женщин за убийство новорожденных, но и укоренить в сознании хотя бы образованной части древнерусского общества неприятие подобного рода преступлений, создать отталкивающий образ детоубийцы. Помощь в этом церкви могла оказать литература. В повести «Беседа отца с сыном о женской злобе» рисуется отвратительный образ женщины, которую автор называет ехидной. Только это животное, считает он, так «своих чад ненавидит», что съедает их при рождении. По мнению автора, обычно ехидне уподобляются «окаянныя блудницы», разорившие «девическую печать», которые «в утробе имеют, а родити не хочет, и помышляет: «Егда отроча от чрева моего изыдет, и аз своими руками удавлю»⁷⁷. Автор дает понять, что детоубийство и блуд – это два преступления, идущие рука об руку.

Заключение

Таким образом, в древнерусском обществе всегда существовало понимание важности и необходимости продолжения рода. Но если в языческий период рождение детей имело прежде всего хозяйственное значение, то под влиянием христианской церкви сформировался взгляд на чадородие как на способ искупления первородного греха. Ребенок начал рассматриваться как благодать, дарованная Богом. Отсутствие детей в семье порождало сложности как материального (нехватка рабочих рук, проблема с передачей наследия), так и

⁷³ Смирнов С.И. Древнерусский духовник. С. 154.

⁷⁴ Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа новгородского, и других иерархических лиц. Стб. 58.

⁷⁵ Устав князя Ярослава о церковных судах // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под редакцией О.И. Чистякова. Москва: Юридическая литература, 1984. Т. 1. С. 190.

⁷⁶ Смирнов С.И. Древнерусский духовник. С. 127.

⁷⁷ Беседа отца с сыном о женской злобе // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. / под редакцией Д.С. Лихачева и др. Санкт-Петербург: Наука, 2006. Т. 15. С. 452.

духовного (некому поминать душу родителей после их смерти) характера. Если вдовствующие бездетные люди могли рассчитывать на получение потомства в повторном браке, то для находившихся в супружеском союзе, при невозможности расторжения христианского брака по причине бесплодия, разрешить данную проблему можно было путем либо усыновления ребенка, либо принятия одним из супругов монашеского пострига.

Сложности с зачатием могли возникать не только по причинам медицинского характера, но и в силу тех ограничений, которые накладывала церковь на половую жизнь супругов в древнерусской семье.

Учитывая, что в рассматриваемый период христианство не успело глубоко проникнуть в сознание большинства населения, в борьбе с бездетностью использовались как языческие, так и христианские методы. Бесплодие (и другие болезни) рассматривалось церковью как наказание супругов за их грехи, поэтому религиозные средства, направленные на искупление греха, считались самыми действенными в борьбе с этой проблемой. Подобный подход привел к распространению так называемой теургической медицины, связывавшей все надежды на разрешение от бесплодия с божественным вмешательством.

Духовенство, поощряя «многочадие», в то же время боролось с попытками решить проблему бездетности с помощью языческих обрядов, зелий и заклинаний, к которым порой обращались женщины, желавшие иметь детей. Однако полностью изжить из сознания древнерусского человека языческие пережитки церкви так и не удалось. И даже смирившись с некоторыми из них, принявшими христианизированный облик (так называемые апокрифические молитвы), духовенство всегда с осуждением относилось к любым методам воздействия на тело и душу человека с помощью языческих средств. А учитывая, что все способы лечения, предлагаемые народной медициной, считались в народе эффективными только при сопровождении их всевозможными заговорами, заклинаниями, можно утверждать, что церковь всегда боролась с этими пережитками язычества.

В вопросах недопущения или прерывания беременности, а также убийства новорожденных позиция церкви всегда была однозначной: эти действия расценивались как душегубство. Ответственность за подобные деяния возрастала в зависимости от тяжести преступления, варьируясь от разного срока епитимии до насильственного пострижения в монастырь.

Introduction

Birth and upbringing of children remain the most important functions of the family in any historical period. A number of factors influence the formation of reproductive behavior of people. Among them are economic, socio-demographic, cultural, psychological, and other factors. In the Middle Ages, one of the most significant of them was the religious factor. The purpose of this work is to examine the influence of the Christian Church on reproductive behavior in the Old Russian family. The chronological framework of our research includes the period from the end of the 10th century, the time of the adoption of Christianity, until the end of the 17th century, when the Petrine reforms, which were accompanied by the secularization of all aspects of society, significantly reduced the influence of Christianity on marriage and family relations in the Russian society.

Three periods can be distinguished in the Russian historiography of the stated problem: pre-revolutionary, Soviet, and contemporary (since the late 1980s) periods.

In the pre-revolutionary period, the problem of the formation of reproductive behavior in the Old Russian family and the influence of Christianity on it did not stand out from the general context of the study of family and marriage, and issues related to birth control were considered within the framework of the study of the position of women in the family and legal regulation of personal relations between spouses, parents, and children.¹ This period was the time of publication of works devoted to the development of ancient Russian medicine,² including the problem of the influence of Christianity on this process. Of particular interest is the work by G. Popov on the history of folk medicine, which systematizes ethnographic materials related to folk methods of treatment.³

During the Soviet period, hardly any attention was paid to the issue of the influence of the church on the reproductive behavior of the Old Russian family until the mid-20th century. The first work dealing with the influence of Christianity on the daily

---

¹ M.F. Vladimirskii-Budanov, *Review of the History of Russian Law* [in Russian] (Kiev: Izdanie knizhnogo magazina N.Ya. Ogloblina, 1915); A. Dobryakov, *The Russian Woman in the Pre-Mongol Period* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova i kompanii, 1864); K.A. Nevolin, *Complete works* [in Russian], vol. 3, *History of Russian Civil Laws*, pt. 1, *Introduction*, bk. 1, *On matrimony* (St Petersburg: Tipografiya Eduarda Pratsa, 1857); S.I. Smirnov, "Impious Women" [in Russian], in *"And These Are Wicked, Mortal Sins...": Russian Family and Sexual Culture through the Eyes of Historians, Ethnographers, Writers, Folklorists, Jurists, and Theologians of the 19th – Early 20th Century*, bk. 2, comp. N.L. Pushkareva, and L.V. Bessmertnykh (Moscow: Ladomir, 2004), 265–96; S.S. Shashkov, *History of the Russian Woman* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina, 1879).

² N.P. Zagoskin, *Doctors and Medical Practice in Ancient Russia* [in Russian] (Kazan: Tipografiya Imperatorskogo Universiteta, 1891).

³ G. Popov, *Russian Folk and Home Medicine. Based on the Materials of the Ethnographic Bureau of Prince V.N. Tenishev* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina, 1903).

life of the Old Russian family was the study by B. Romanov,⁴ first published in 1947. It touched upon the issues related to the attitude of the church to the termination of pregnancy as well as to the manslaughter and premeditated murder of newborns. In 1949, S. Yushkov also paid attention to the problem of reproductive behavior in his generalizing work devoted to the development of the socio-political system and the law of the Ancient Russian state.⁵ The development of historical and medical topics in Soviet historiography is associated with the names of N. Bogoyavlenskii and M. Mirskii,⁶ who considered, among other things, the influence of paganism and Christianity on the development of medical practice in Kievan Rus.

In the second half of the 1980s, a new period in the historiography of the problem began. Its characteristic feature was methodological pluralism and the expansion of the subject field of research. In her works, the subject of which was the Old Russian woman, N. Pushkareva mentioned the problem of family in Kievan Rus.⁷ She devoted one of her works to the reproductive behavior of the Old Russian woman. The issues touched upon in that work included the church's attitude to regulating the number of children in the Old Russian family, the women's attitude to pregnancy and childbirth, and the problems of nursing newborns.⁸ Modern scholars also pay attention to various aspects of interpersonal relations in the Old Russian family. E. Moroz's research is devoted to sexuality and "child production" in the Old Russian society⁹; childbearing and nursing of infants are considered in V. Dolgov's work.¹⁰

---

⁴ B.A. Romanov, *People and Customs of Ancient Rus. Historical and Everyday-Life Essays of the 11th – 13th Centuries* [in Russian] (Moscow; Leningrad: Nauka, 1966).

⁵ S.V. Yushkov, *Socio-Political System and Law of the Kievan State* [in Russian] (Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury, 1949).

⁶ M.B. Mirskii, and N.A. Bogoyavlenskii, *Medicine of Ancient Rus* [in Russian] (Moscow: Rodina, 2018).

⁷ N.L. Pushkareva, *Women in Ancient Rus* [in Russian] (Moscow: Mysl', 1989); N.L. Pushkareva, "Mother and Motherhood in Rus (10th – 17th centuries)" [in Russian], in *Man in the Family Circle. Essays on the History of Private Life in Europe before the Beginning of the Modern Era*, ed. Yu.L. Bessmertnyi (Moscow: RGGU, 1996), 305–41.

⁸ N.L. Pushkareva, "Reproductive Behavior of Ancient Russian Women (10th – 15th Centuries): Behavioral Norms of Church Books through the Prism of Traditions and Emotions" [in Russian], in *Motherhood and Fatherhood through the Prism of Time and Cultures: Proceedings of the Ninth International Scientific Conference of Russian Association for Researchers in Women's History (RARWH) and Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Science (IEA RAS) (Smolensk, October 13–16, 2016)*. Vol. 1, ed. N.L. Pushkareva, and N.A. Mitsyuk (Moscow: IEA RAN; Smolensk: SmolGU, 2016), 196–99.

⁹ E. Moroz, *Jovial Erato: Sex and Love in the World of the Russian Middle Ages* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011).

¹⁰ V.V. Dolgov, "Childhood as a Social Phenomenon in the Context of Old Russian Culture of the 11th – 13th Centuries. Attitude to the Child and the Stage of Maturation" [in Russian], in *Social history. Yearbook. 2007*, ed. N.L. Pushkareva (Moscow: ROSSPEN, 2008), 67–85.

The issue of the formation of reproductive behavior in the Old Russian family is also touched upon in the present-day historical and legal studies. For instance, the works of V. Momotov¹¹ and N. Nizhnik¹² consider the role of church and secular law in the issues of birth control in the Old Russian family. The works of A. Malakhova, S. Malakhov, V. Dolgov, R. Simonyan, etc.¹³ are devoted to the study of pagan and Christian ideas about the causes of diseases and ways to cure them. However, the problems related to the reproductive health of the population of ancient Rus hardly came into the view of researchers.

In foreign historiography, the issues of the formation of reproductive behavior in the medieval family were also considered within the framework of the history of everyday life. A great contribution to the study of the problem of childhood was made by the French historian Ph. Ariès.¹⁴ The work of the American researcher E. Levina reveals the attitude of the Old Russian clergy to the use of various methods of preventing and terminating pregnancy by women.¹⁵ Other issues of reproductive behavior in the Old Russian family have been left out of sight of foreign authors.

Thus, focusing mainly on the study of women, motherhood, and interpersonal relations in Ancient Rus as well as on the historical, legal, and medical aspects of the reproductive behavior in the Old Russian family, the researchers have left out of sight the influence of Christianity on it. This article is intended to fill this gap in historiography to some extent.

Main body

In ancient Russian society, children were seen as a necessary component of any family. Hopes were pinned on them not only for procreation but also for participation in the economic activities of the family, in caring for its material well-being,

---

¹¹ V.V. Momotov, *The Formation of Russian Medieval Law in the 9th – 14th Centuries* [in Russian] (Moscow: ZERTsALO-M, 2003).

¹² N.S. Nizhnik, *Legal Regulation of Family and Marital Relations in Russian History* [in Russian] (St Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2006).

¹³ A.S. Malakhova, “Man and Sickness in the Everyday Life of Ancient Rus (10th – Early 17th Century)” [in Russian] (PhD thesis, Stavropol State University, 2011); A.S. Malakhova, and S.N. Malakhov, *The Phenomenon of Sickness in the Mind and Everyday Life of a Person in Ancient Rus (11th – Early 17th Century)* [in Russian] (Armavir: Dizain-studiya B, 2014); V.V. Dolgov, “Ideas about the Causes of Diseases in the Public Consciousness of Ancient Rus in the 11th – 14th Centuries” [in Russian], *Vrach-aspirant*, vol. 62, no. 1 (2004): 52–58; R.Z. Simonyan, *History of Medicine: From Ancient Times to the Present* [in Russian] (Cheboksary: Sreda, 2020).

¹⁴ Ph. Ariès, *The Child and Family Life in the Ancien Régime* [in Russian], trans. Ya.Yu. Startsev (Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1999).

¹⁵ E. Levina, “Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs 900–1700” [in Russian], in *“And These Are Wicked, Mortal Sins...” Love, Erotica and Sexual Ethics in Pre-Industrial Russia (10th – First Half of the 19th Century)*, ed. N.L. Pushkareva (Moscow: Ladomir, 1999), 239–491.

inheritance of family property, and preservation of a certain social status within the family, as well as peace and stability in the state, which were ensured by a peaceful transition of power from father to son. Therefore, there is nothing surprising in the fact that representatives of all social estates took the issues of marriage and childbearing very seriously.

Christianity played a significant role in maintaining the importance of childbearing in Russian society. The only way to salvation and atonement for the original sin, according to the Apostle Paul, is “saved in childbearing, if they continue in faith and charity and holiness with sobriety.”¹⁶ Therefore, from the point of view of the church, sexual relations are possible only in marriage and for the purpose of procreation, because “*vsyakii izhe krome tol'ko detorodiya*” [everyone who enters into sexual intimacy except for childbearing] sacrifices “*diavolu svoe semya*” [his seed to the devil].¹⁷

A similar example of the realization of the main goal of Christian marriage, as depicted in the chronicles, was the family of Grand Prince Dmitry Donskoy. For 24 years of marriage with his wife Evdokia, they had 12 children, but at the same time, according to V. Tatishchev, the prince

led a chaste life, did not please his flesh, was a kind and strong pilot of his flesh, guided by a higher intentions.¹⁸

Addressing his second wife Elena Glinskaya before his death, Grand Prince Vasily III of Moscow directly outlined the purpose of their marriage, “My dear wife, I took you for childbearing, and God fulfilled our wish.”¹⁹

The Church formed the belief that the birth of a child is a grace bestowed by God. This idea entered so deeply into the popular consciousness that it was reflected in the folk wisdom: “*Rybku da utku trudami vzyat', a malykh detochek Bog даст*” [Work hard to gain a fish and a duck, and God will give you small children]²⁰; “*U kogo detei mnogo, tot ne zabyt ot Boga*” [He who has many children is not forgotten by God].²¹ The increase in the social significance of childbearing was facilitated by the

---

¹⁶ 1 Timothy 2:15, *King James Bible Online*, accessed May 5, 2021, <https://www.kingjamesbibleonline.org/1-Timothy-Chapter-2/>

¹⁷ S.I. Smirnov, *Old Russian Confessor. Research into the History of Church Life* [in Russian] (Moscow: Sinodal'naya tipografiya, 1913), 144.

¹⁸ V.N. Tatishchev, *Russian History* [in Russian], vol. 3 (Moscow: AST, 2003), 220.

¹⁹ Tatishchev, *Russian History*, vol. 3, 528.

²⁰ O. Buslaev, “Russian Proverbs and Sayings” [in Russian], in *Archive of Historical and Legal Information Relating to Russia Published by N. Kalachov* (Moscow: Tipografiya Aleksandra Semena, 1854), bk. 2, half 2, 194.

²¹ I.M. Snegirev, *Russian Folk Proverbs and Parables* [in Russian] (Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1848), 413.

confidence formed by the clergy that the true glory of a man is not power, wealth, or feats, but his children, and only they help a woman reveal her true essence, motherhood: “*Gospod' proslavil' ottsa o chyadekh", i sout' matr'n' outverdil' est' o chadekh*” [The Lord hath glorified the father of the child, and the essence of the mother is the child].²² Therefore, over time, the importance and desirability of the birth of children had been fixed not only in the sermons of priests (“*sladka est' beseda rodivshemu deti svoikh*” [sweet is the conversation to those who give birth to their children]²³), but also in proverbs (“*U kogo detki, u togo i yagodki*” [He who has children, has berries],²⁴ “*Vsegda otets budet veselit'sya, kogda syn roditsya*” [The father will always rejoice when the son is born]²⁵).

But even without the participation of the church, representatives of all estates understood the need for the birth of an heir quite well. At the beginning of the 15th century, “*Fedos'ya Filippova zhena*” [Philipp’s wife Fedosia] lived “*esm' s svoim muzhem polchetvertadtsat' let*” [with her husband for twenty years] in a childless marriage. After her husband’s death, she faced the problems both of a material nature (there was no one to pass down the acquired property) and of a spiritual nature (who would pray for their souls after their death?). The solution to the problem of this family was the adoption of the boy Timoshka, whom Fedosia was able “*spisati ostyazhanii muzha svoego i o svoem*” [to leave her and her husband’s property by will] and entrust to take care of the posthumous commemoration of “*dushi muzha svoego i o svoei*” [her and her husband’s souls].²⁶

With regard to families in which one of the spouses widowed before the appearance of children, the church made concessions and allowed remarriages up to three times. In his epistle to Novgorod on the observance of legal provisions of the church, Metropolitan Photius wrote:

A tret'e by poiman'e ne bylo, no ashche kto budet mlad, a detei ne budet' u nego ot pervago braka, ni ot vtorago. . . [And there would be no third marriage, unless

---

²² *Izbornik 1076 g.* [Manuscript with collected writings of the year 1076], comp. V.S. Golyshenko, et al. (Moscow: Nauka, 1965), 412.

²³ Cited in Pushkareva, *Women in Ancient Rus*, 93.

²⁴ Buslaev, “Russian Proverbs and Sayings,” 147.

²⁵ Snegirev, *Russian Folk Proverbs and Parables*, 47.

²⁶ “Gramota Mitropolita Kipriana vdove Feodos'e, na usynovlenie priemysha, i Dukhovnaya zapis' eya, v pol'zu priemysha svoego” [Diploma issued by Metropolitan Cyprian to the widow Feodosiya for the adoption of a foster child, and her will in favor of her adopted child], in *Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission*, vol. 1 (St Petersburg: Tipografiya Ekspeditsii zagotovleniya Gosudarstvennykh bumag, 1841), 484.

someone is young, and he would have not had children in his first marriage and in the second. . .]”²⁷

While there was an indulgence for childless widows and widowers, which made it possible to solve the problem of the absence of an heir, it became almost insoluble for married couples. Old Russian legislation did not stipulate the possibility of divorce due to the absence of children. In such circumstances, there was only one way for a husband who longed for the birth of an heir – his wife’s taking the veil, which gave him a chance to remarry and expect the birth of offspring.

Grand Prince Vasily III of Moscow found himself in such circumstances. He lived with his wife Solomonia Saburova for 20 years in a childless marriage. The absence of an heir created a difficult situation with the succession to the throne. Then, according to the Sophia Chronicle indicates, the grand prince

nachat" dumati so svoimi boyary o svoei velikoi knyagine Solomoni, chto neplodna est', i nacha s plachem govoriti k boyarom: "komu po mne tsarstvovati na Ruskoi zemli, i vo vsekh gradekh moikh i pridelekh? brat'i li dam? ino brat'ya i svoikh udelov ne umeyut ustraivati" [began to think with his boyars about his Grand Duchess Solomonia, who is infertile, and began to cry to the boyars: “Who shall I leave to reign on the Russian land, and in all my cities and principalities? To my brothers? Some brothers are incapable of managing their own principalities.”]²⁸

And on the advice of the boyars, who insisted that “*neplodnuyu smokovnitsu posekayut i izmeshchut iz vinograda*” [a barren fig tree is cut down and taken out of the grapes], he ordered her “*yu postrishchi v chernitsy*” [to take the veil].²⁹

But as V. Momotov rightly points out, “this ground for divorce [absence of children – *S. O.*] in the history of law is known as a legal fact but not as a legal form.”³⁰

According to the World Health Organization (hereinafter – WHO), nowadays about 5% of the human population on the average are infertile due to anatomical, genetic,

---

²⁷ “Poslanie mitropolita Fotiya v Novgorod o soblyudenii zakonopolozhenii tserkovnykh” [Epistle of Metropolitan Photius to Novgorod on the Observance of Church Statutes], in *Written Monuments of Old Russian Canon Law*, pt. 1, *Monuments of the 11th – 15th Centuries*, ed. A.S. Pavlov (St Petersburg: Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1908), stb. 273.

²⁸ *Complete Collection of Russian Chronicles, Published by the Highest Order of the Archaeographic Commission* [in Russian], vol. 6, *Sophia Chronicles* (St Petersburg: Tipografiya Eduarda Pratsa, 1853), 29–30.

²⁹ *Complete Collection of Russian Chronicles*, vol. 6, *Sophia Chronicles*, 30.

³⁰ Momotov, *The Formation of Russian Medieval Law*, 177.

endocrine, and immunological factors.³¹ A. Vishnevskii believes that even in the pre-industrial era, married couples quite often faced the problem of infertility.³² Their share was probably no less than that calculated by the WHO.

The situation with the conception of children might also be aggravated by the fact that the church restricted sexual intimacy of spouses, prohibiting coitus during the fasting periods, on holidays, and on the days from Friday to Sunday. For instance, the priests insisted that the husband and wife abstain from intimacy in the first and last weeks of Lent, “*takozhe i k rozhestvu khristovu post i k petrovu dni*” [also during the Nativity Fast and the Apostles’ Fast].³³ Penance was imposed on the spouses who “fornicated” “*protivu prazdnika. . . ili v subbotu, ili nedelyu, i v sredu, i v pyatok*” [on holiday. . . or on Saturday, on Sunday, on Wednesday, or on Friday].³⁴ Despite the fact that as early as in the 12th century Bishop Nifont of Novgorod called for the burning of the books that stated that a child conceived “*v nedelyu i v soubotu i v pyatok*” . . . *boudet' lyubo tat', lyubo razboinik', lyubo bloudnik', lyubo trepetiv*” [on Sunday, on Saturday, or on Friday. . . will be a thief, a robber, a fornicator, or a demoniac”],³⁵ this provision became widespread in many penance collections later.³⁶ As the American researcher E. Levina points out,

if a married couple strictly observed abstinence during fasts and holidays as well as during menstruation, this meant that coitus did not happen for at least three hundred days a year.³⁷

Therefore, many married couples faced the problem of childlessness.

Given the importance of procreation for the family, married couples tried to get the long-awaited offspring by any means. During the period under consideration, Christianity did not have enough time to penetrate deeply into the consciousness of the overwhelming majority of the population, so Christian rituals often coexisted with

---

³¹ R.T. Fakhrislamova, “The Phenomenon of Female Childlessness in Russia: Historical and Social Background” [in Russian], *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 3 (2014): 38.

³² A.G. Vishnevskii, “Evolution of the Russian family” [in Russian], *Ekologiya i zhizn'*, no. 7 (2008), accessed May 5, 2021. https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430650

³³ Smirnov, *Old Russian Confessor*, 119.

³⁴ A. Almazov, *Auricular Confession in the Eastern Orthodox Church. Experience of External History. Research Based on Manuscripts* [in Russian], vol. 3, *Appendices* (Odessa: Tipolitografiya Shtaba Odesskogo voennogo okruga, 1894), 151.

³⁵ “Voprosy Kirika, Savvy i Il'i, s otvetami Nifonta, episkopa novgorodskogo, i drugikh ierarkhicheskikh lits” [Questions of Kirik, Savva and Ilya, with the answers of Nifont, Bishop of Novgorod, and other hierarchical persons], in *Written Monuments of Old Russian Canon Law*, pt. 1, stb. 44.

³⁶ Smirnov, *Old Russian Confessor*, 29, 154, 242.

³⁷ Levina, “Sex and Society,” 318.

pagan rites. To resolve the problem of childbearing, Old Russian families turned to the help of both.

According to S. Smirnov, the Old Russian woman resisted Christianity for a long time, keeping the old paganism in the house near the hearth.³⁸ Despite the fact that both men and women are mentioned in Old Russian monuments as guardians of pagan wisdom, the author of *The Tale of Bygone Years* insists that “*pache zhe zhenami besov'skaya vol'shven'ya byvayut'...*” [the devil's will comes through the women. . .].³⁹ Later on, in the 15th century, in his epistle to Novgorod, Metropolitan Photius, called *likhie baby* [evil women] the main guardians and distributors of paganism. Threatening with God's wrath and excommunication, he demanded that the parishioners “*basnei ne slushali . . . ne priimali ni uzlov", ni primol'vlenia, ni zel'ya, ni vorozhen'a*” [do not listen to tales . . . do not accept any knots, spells, potions, or divination].⁴⁰

These “evil women” were those whom women who longed for a child most often addressed. The frequency of such appeals is evidenced by numerous penance records. For instance, in the 12th century, priest Ilya asked Bishop Nifont what was to be done if for the purpose of conception (“*ezhe detii delya*”), women turn to witches, and those women “*tvoryat' chto lyubo*” [did what they liked],⁴¹ i.e. they tried to achieve pregnancy by witchcraft. In the 15th century confessors asked women if they had children with the help of witches (“*Stavlivala li deti s babami?*”). If it was revealed that a woman gave birth to a child with the help of “*volshebstvo*” [magic], the new mother was not allowed to take communion for six years.⁴²

The reproductive techniques used by the “evil women” are also recorded in the monuments of penance literature. Potions were most commonly used remedy. One of the common female sins was “*ashche zhena zeliem detei ishchet*” [trying to conceive children by means of potions],⁴³ and among the frequently asked questions the confessor asked women, there was “*Pila li esi zeliya kakovy sebe deti delya?*” [Have you drunk any potions in order to conceive children?].⁴⁴

Among the ingredients of such a potion there might be Lady's mantle (*Alchemilla vulgaris*). It was usually used as the basis for philters (“*Ashche muzh zheny ne lyubit, i nekhai postavit protiv muzha, ashche uvidit, lyubiti nechnet*” [If a husband does not

³⁸ Smirnov, “Impious Women,” 286.

³⁹ *The Tale of Bygone Years. According to Laurentian Codex of 1377* [in Russian], ed. V.P. Adrianova-Peretts, pt. 1 (Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950), 120.

⁴⁰ “Epistle of Metropolitan Photius to Novgorod,” pt. 1, stb. 274.

⁴¹ “Questions of Kirik, Savva and Ilya,” stb. 60.

⁴² Almazov, *Auricular Confession*, 165, 39.

⁴³ Smirnov, *Old Russian Confessor*, 47.

⁴⁴ Almazov, *Auricular Confession*, 165.

love his wife, she should give it to him, and if he sees her, he will love her] and also *kotoroi zhone detei ne est'* [when women could not conceive children]. In the latter case, it was necessary to cook it “*u moltse*” [in milk] and drink it “*poranu po tri utra na dshche sertse. A pervyi otrok budet, i potom devitsa*” [early in the morning for three mornings on an empty stomach. And the firstborn would be a boy, and then a girl would arrive].⁴⁵

As an effective means for conception, it was also recommended to eat “*detinou pouporezinou*” [umbilical cord]⁴⁶ and “*lozha detii*” [placenta].⁴⁷

When facing the problem of childlessness, representatives of different classes, including princesses, turned to the “evil women” for help. For instance, the chronicle explained the harsh temper of Prince Bryacheslav Izyaslavich of Polotsk by the fact that “*mati rodi ego ot volkhvovaniya*” [mother gave birth to him from the magic].⁴⁸ As follows from the testimony of Ivan Saburov from the investigation records on the infertility of Grand Duchess Solomonina Saburova, she used the services of a certain woman Stephanida nicknamed Ryazanka. She moistened Solomonina’s belly with special bewitched water and determined that the grand duchess would have no children (*detem ne byti*). For Solomonina, it was a verdict. The testimony recorded in the investigation file of her case show that so as not to lose her husband and her high status, Solomonina Saburova agreed to use the potion prepared by Ryazanka “*chtob Knyaz' Velikii menya lyubil*” [in order for the grand prince to love me]. Like any woman who wants a child, Solomonina did not lose hope for its arrival. Therefore, having learned about a certain nun who practices sorcery, the grand duchess ordered to bring her. As Ivan Saburov stated, the nun

nagovarivala ne pomnyu maslo, ne pomnyu med presnoi, da posylala Velikoi Knyagine. . . , a velela ei tem tertisya ot togo zh, chtoby ee Knyaz' Velikii lyubil, da i detei delya [Cast a spell either on butter or on fresh honey, I don’t remember; and she sent it to the grand duchess. . . , and told her to rub that on herself so that the grand prince loved her and made children].⁴⁹

---

⁴⁵ Z.N. Bochkareva, and M.E. Bychkova, comps., “Books of Healing, Collected from Many Doctors, about Roots and Potions” [in Russian], in *Rare Sources on the History of Russia*, is. 1 (Moscow: Institut istorii SSSR AN SSSR, 1977), 108–09.

⁴⁶ Almazov, *Auricular Confession*, 165.

⁴⁷ Smirnov, *Old Russian Confessor*, 65.

⁴⁸ *Complete Collection of Russian Chronicles*, vol. 5, *Pskov and Sophia Chronicles*, 138.

⁴⁹ “Skazka Ivana Yur'evicha Saburova, iz rozysknago dela o neplodii Velikoi Knyagini Solomonii Yur'evny” [Testimony of Ivan Yur'evich Saburov, from the investigation records on the infertility of Grand Duchess Solomonina Saburova], in *Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission*, vol. 1, 192.

But it is known that all those tricks did not work and Solomonina Saburova was made to take monastic vows.

However, the long-awaited heir did not immediately arrive in the second marriage of Vasily III either. After marrying Elena Glinskaya, he had to wait four years for the future tsar Ivan IV to be born. In *Istoriya o delakh velikogo knyazya moskovskogo* [History of the affairs of the Grand Prince of Moscow], Prince Andrey Kurbsky accused Vasily III of the following: “*sam star budushche, iskal charovnikov prezlykh otovsyudu*” [being old, he was looking for evil wizards everywhere] in order that they would help him in *plodotvorenje* [insemination].⁵⁰

The clergy, on the other hand, introduced into the consciousness of the Old Russian man the idea that sickness was most often a punishment for his sins. Moses, Father Superior of the Novgorod Antoniev Monastery, in his sermon “On Continuous Drinking” wrote that the main cause of any disease is a person’s inclination to excesses in food, drink, sleep, sexual pleasures, and

vse tya pokhoteniya deyati budet' bez vremeni i bez mery, to grekh budet' v dushi, a nedug v telesi [if all those desires will be satisfied without time and without measure, sin will be in the soul and illness in the body].⁵¹

According to G. Popov, like any disease, infertility in Russia was perceived as punishment for the sins of the husband, wife, or their parents, and miscarriages were attributed to such sins of the mother as non-observance of fasts, negligence in prayer, infidelity to her husband, sexual intimacy with her husband during religious holidays. Therefore, religious means were considered most effective in the fight against infertility.⁵²

In A. Malakhova’s opinion, a whole complex of the so-called theurgical therapeutic means was formed in the Old Russian society. Theurgical medicine meant treatment that directly appealed to the power of God and used objects of religious worship. As the author wrote, everything related to the church was endowed with healing powers: a cross, an icon, vestments, church books and texts of these books, prayers, relics of saints, holy water, etc.⁵³ As G. Popov wrote, the most effective means in the fight against infertility were pilgrimage and vows.⁵⁴

---

⁵⁰ A.M. Kurbskii, *History of the Affairs of the Grand Prince of Moscow* [in Russian], prep. K.Yu. Erusalimskii (Moscow: Nauka, 2015), 150.

⁵¹ “Pouchenie Moiseya o bez"vremen'nem' piyan'stve” [Sermon of Moses about continuous drinking],” in *Library of Literature of Ancient Rus*, ed. D.S. Likhachev, et al., vol. 4, *12th Century* (St Petersburg: Nauka, 1997), 284.

⁵² Popov, *Russian Folk and Home Medicine*, 326.

⁵³ Malakhova, “Man and Sickness,” 18–20.

⁵⁴ Popov, *Russian Folk and Home Medicine*, 326.

The birth of Grand Prince Vasily Ivanovich (the future Vasily III of Moscow) can serve as an example of the use of theurgical medicine. According to the chronicle, after the birth of three daughters, Ivan III and his wife Sophia prayed to God “*daby daroval im synove roditi*” (“so that He would grant them sons”). To achieve this goal, the “*khristolyubivaya velikaya knyaginya Sofia*” [Christ-loving Grand Duchess Sophia] went on a pilgrimage to the monastery of St. Sergius the Wonderworker “*pomolitisya o chadorodii synov*” [to pray for the birth of sons]. On arrival at the monastery, Sophia prayed for a long time, “*tselebnosnyya moshchi prepodobnago Sergia lyubezno tselova*” [respectfully kissing the healing relics of St. Sergius]. And, as the chronicler claims, “*ot togo chyudesnago vremeni zachatsya vo chreve eya Bogom darovannyi naslednik Russkomu tsarstviyu*” [after that, the God-given heir to the Russian reign was conceived in her womb].⁵⁵

It is not surprising that, faced with the problem of the absence of an heir in his own marriage, Vasily III behaved like a true Christian and used the whole set of methods that the church could offer him. The chronicle states that Vasily III did not fall into despondency, did not doubt the mercy of God, and prayed all the time (“*neumali podviga k Bogu v molitve i ne usomnesya dolgago vremeni bezchadstviya i ne uny so prilezhaniem prositi*”), dealt out alms to the poor (“*ne presta rastoshchati bogat'stva nishchim*”), went on pilgrimages to holy places (“*vo oblasti tsarstviya svoego obkhozhashe grady i chestnyya obiteli*”), built churches and founded monasteries (“*naipache vozdvizaya chyudnyya monastyrya i svyatyya tserkvi imeni Bozhiyu i Prechistoi Bogoroditsy i vsem svyatye postavlyaya*”), and decorated icons (“*i svyatykh ikon voobrazheniya ukrashaya*”). The chronicler believed that it was the consequence of the Great Prince's deep faith that “*Bog rozverze soyuz neplodstva ego i darova emu roditi syna, naslednika derzhave ego. . .*” [God broke the union of infertility and granted him to father a son, an heir to his power. . .].⁵⁶

Along with prayers to God and the Most Pure Theotokos, great importance was attached to prayers to St. Roman the Wonderworker and to the Holy Martyr Hypatius the Wonderworker, who were revered by the people as *razreshiteli neplodstva i bezchadiya* [resolvers of infertility and childlessness].⁵⁷ However, the church has not been able to fully Christianize the Old Russian society. Over time, pagan spells to which people were accustomed acquired Christian formulations and symbols and

---

⁵⁵ *Complete Collection of Russian Chronicles, Published by the Highest Order of the Archaeographic Commission* [in Russian], vol. 12, 8th Chronicle Collection, Called the Patriarchal or the Nikon Chronicle (St Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1901), 190–91.

⁵⁶ *Complete Collection of Russian Chronicles, Published by the Highest Order of the Archaeographic Commission* [in Russian], vol. 21, half 2, *The Book of Degrees of the Royal Genealogy* (St Petersburg: Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1913), 606.

⁵⁷ I.P. Kalinskii, *Church and Folk Menologion in Rus* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma, 1877), 62, 118.

turned into apocryphal prayers. As noted by A. Malakhova and S. Malakhov, folk healing spells were considered by the church to be a manifestation of paganism and witchcraft, but having acquired a Christianized form over time, they became so widespread that the clergy could no longer simply prohibit such methods of treatment and were forced to take into account the national religious mentality of the society.⁵⁸

Childbearing was an absolute value of medieval society. However, life did not always fit into the framework of generally accepted ideas and patterns of behavior. It happened that parents could not feed a large number of children in poor families, and folk wisdom questioned the importance of a large family: “*Bez detei gore, a s det'mi vdvoe*” [No children is a woe, many children is a double woe],⁵⁹ “*Deti na rukakh zheleza. Ne ustanesh' detei rozhayuchi, a ustanesh' na mesta sazhayuchi*” [Children are like iron manacles. You will not get tired of giving birth to children, but you will get tired of putting them in their places in life].⁶⁰ Sexual life of a medieval person did not always take place strictly in the marriage approved by the Christian Church, and the birth of a child in extramarital relations became a big problem for the mother, who faced not only public condemnation but also material difficulties.

Despite the fact that the church strongly condemned any attempts to prevent pregnancy, equating them with murder (“*yako oubiitsa zapreshchaetsya*” [as murder, it is prohibited]),⁶¹ the practice of using contraceptives still existed. It is evidenced by the confessional questionnaires that which obliged the priest to ask the parishioners whether they had used “*bylie*” [contraceptives] and whether “*zapechatala li esi deti v sebe*” [the children had been killed inside their bodies].⁶²

Apparently, the same “evil women” were engaged in the preparation of contraceptives. Contraceptives existed in the form of potions, which were used either orally (“*yala ili pila esi zelie, chtob deti ne roditi*” [take or drink potions so as not to give birth to children]), or vaginally (“*otravi lozhesna svoya i k tomu deti ne rozhdaet*” [poison your own womb and you will not give birth to children]).⁶³ Among the herbs that could prevent conception, the ancient Russian healer books mentions galangal: “*Esli by ego zhonka rozorvavshi u vu rte derzhala, togo dnya ne zachnet*” [If a wife chewed it and kept it in her mouth, she would not conceive that day]). However, the author recommends not to make this information available to women (“*togo ne goditsya zhonkam povedati*” [it is not good for women to know it]).⁶⁴

---

⁵⁸ Malakhova, and Malakhov, *The Phenomenon of Sickness*, 159–60, 175.

⁵⁹ Buslaev, “Russian Proverbs and Sayings,” 78.

⁶⁰ Snegirev, *Russian Folk Proverbs and Parables*, 110, 294.

⁶¹ Almazov, *Auricular Confession*, 36.

⁶² Almazov, *Auricular Confession*, 35–36, 165.

⁶³ Almazov, *Auricular Confession*, 35–36, 179.

⁶⁴ Bochkareva, and Bychkov, “Books of Healing, Collected from Many Doctors,” 18.

The efficacy and effectiveness of these methods of contraception is questionable. In situations when such measures did not work and an unwanted pregnancy still occurred, women sometimes resorted to abortion. The existence of such a practice in ancient Russia is evidenced by numerous confessor questionnaires and penance records: “*Detya v sobe ili v podruze zloboyu zel'em tsi rastvorila esi*” [Have you dissolved a child inside yourself or in a friend by means of evil potion?]⁶⁵; “*ditya roskazila esi v sobe*” [Have you killed a child in you whomb?]; “*Otrocha. . . piv zelie izvergla esi*” [Have you drunk a potion and miscarried a child?].⁶⁶ Artificial termination of pregnancy caused severe condemnation of the church. The priests claimed that “*vsyaka zhena skazhayushcha v sebe otrocha, dushegubitsa narechetsya*” [every woman who kills a child inside herself was called a murderer].⁶⁷ As a punishment for this sin, penance was imposed on a woman and its severity depended on the term of the terminated pregnancy: “*ashche zarod eshche*” [if it is a fetus], 5 years of penance; “*ashche obraz est*” [if it has taken the human form], 7 years; “*ashche zhivoe*” [if it is a living being], 15 years.⁶⁸

Sometimes pregnancy was terminated unintentionally, without any intention of the woman to do so. The fact is that in the peasant environment, women during pregnancy were not exempted from hard work even at late stages, which led to miscarriages (“*azhe zheny delayuche chto lyubo stradou, i verezhayut'sya i izmetayut*” [if wives do a lot of work, they miscarry]. Considering that in this case it was impossible to prove the intent of the woman, she was released from punishment: “*Azhe ne zeleem verezhayut', netou za to opitem'ya*” [If potions have not been used, there is no penance], Novgorod Bishop Nifont pointed out.⁶⁹

Even too diligent performance of church rites by a pregnant woman could end in miscarriage. Therefore, Bishop Ilya urged priests not to allow expectant mothers “*klanyatsya na kolenyakh, ni rukoyu do zemli, ni (dazhe) v velikyi post: ot togo bo verezhayutsya i izmetayut mladentsa*” [to bow on their knees, neither with their hands to the ground, not (even) during Great Lent: from that they miscarry the baby].⁷⁰

The clergy also struggled with the indifference to pregnant women on the part of their husbands, placing on them the responsibility for the preservation of the child: if

---

⁶⁵ Almazov, *Auricular Confession*, 159, 160, 162.

⁶⁶ Smirnov, *Old Russian Confessor*, 41, 127, 242.

⁶⁷ Smirnov, *Old Russian Confessor*, 28.

⁶⁸ “Voprosy i otvety o raznykh sluchayakh pastyrskoi praktiki” [Questions and answers about different cases of pastoral practice], in *Written Monuments of Old Russian Canon Law*, pt. 1, stb. 862.

⁶⁹ “Questions of Kirik, Savva and Ilya,” stb. 58.

⁷⁰ “Sermon of Novgorod Archbishop Ilya (John),” in *Written Monuments of Old Russian Canon Law*, pt. 1, stb. 363.

the husband “*rinyasya p'yan" na zhenou svoyu, veredit' v" nei detya*” [when drunk, attacked his wife, he harmed his children], and penance was imposed on him.⁷¹

Even more decisive actions were taken by the church in the fight against the murders of newborns. If it was unintentional, for example, the infant died as a result of the negligence of its parents during sleep when they “*ou sebe kladout' deti spyache, i ougnetayut*” [put children by their side to sleep, and choke them],⁷² penance was imposed on the culprit. Its severity depended on whether the child was baptized or not: “*Ashche umret mladenets' v noshchi bliz roditelya svoego nekreshcheno semi dnei opetim'ya 40 dni. Ashche li 40 dni i umret' nekreshcheno v noshchi opitem'i god*” [If the baby dies in the night near his parent, seven days old and not baptized, penance is 40 days. If it is 40 days old and not baptized and dies in the night, penance is a year].⁷³ If the parents were sober at that moment, then, according to Bishop Nifont, the punishment could be light, but if they were in a state of alcoholic intoxication, then what had happened was equated to murder (*to oubiistvo est*).⁷⁴

The mother's responsibility for the premeditated murder of a newborn was even more severe. According to the 6th article of the Lengthy Edition of the Church Charter of Prince Yaroslav, if “*zhenka bez svoego muzha ili pri muzhi dityati dobudet', da pogubit', ili v svin'i vverzhet', ili utopit*” [with or without a husband, a woman gives birth to a child but kills it, or throws it to swine, or drowns it], she should be placed to the church prison.⁷⁵ Penance was an additional measure of punishment for such women, but it was more severe: “*Ashche kotoraya zhena detya oudavit' 3 let da pokaetsya v khlebe i v vode*” [If a woman strangled her baby, let her repent on bread and water for 3 years].⁷⁶

In order to form proper reproductive behavior, it was necessary not only to severely punish a woman for killing a newborn, but also to root in the consciousness of the educated part of the Old Russian society the rejection of such crimes, and to create a repulsive image of the child killer. Literature could help the church in this. The story “A Conversation between Father and Son about Female Wickedness” presents a disgusting image of a woman, whom the author called a viper. He believed that only that animal hated its children so much that it ate them at birth. According to the author, “*okayannyya bludnitsy*” [cursed harlots] who ruined the “*devicheskuyu pechat*” [virgin seal] are similar to vipers, who “*v utrobe imeyut, a roditi ne khoshchet, i pomyshlyayet: 'Egda otrocha ot chreva moego izydet, i az svoimi rukami udavlyu*” [have a child in

⁷¹ “Questions of Kirik, Savva and Ilya,” stb. 60.

⁷² “Questions of Kirik, Savva and Ilya,” stb. 58.

⁷³ Smirnov, *Old Russian Confessor*, 154.

⁷⁴ “Questions of Kirik, Savva and Ilya,” stb. 58.

⁷⁵ “The Charter of Prince Yaroslav on Church Courts” [in Russian], in *Russian Legislation of the 10th–20th Centuries*, ed. O.I. Chistyakov, vol. 1 (Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1984), 190.

⁷⁶ Smirnov, *Old Russian Confessor*, 127.

the womb but do not want to give birth and think, “When the child comes out of my womb, I will strangle it with my own hands].⁷⁷ The author makes it clear that infanticide and fornication are two crimes that go hand in hand.

Conclusion

Ancient Russian society always understood the importance and necessity of procreation. But while in the pagan period the birth of children was primarily of economic importance, the interpretation of childbearing as a way of atoning for original sin was formed under the influence of the Christian Church. The child began to be regarded as a grace bestowed by God. The absence of children in the family gave rise to difficulties both of material nature (shortage of workers, the problem with the transfer of property by inheritance) and of spiritual character (there was no one to pray for the souls of the parents after their death). Whereas widowed childless people could count on having offspring in a new marriage, for those who were in a marital union, this problem could be solved either by adopting a child or by taking monastic vows by one of the spouses because it was impossible to dissolve a Christian marriage on the grounds of infertility.

Difficulties with conception could arise not only for medical reasons but also because of the restrictions that the church imposed on the sexual life of spouses in the Old Russian family.

Considering that during the period under study Christianity did not have enough time to penetrate deeply into the consciousness of the majority of the population, both pagan and Christian methods were used in the fight against childlessness. Infertility (and other diseases) was considered by the church as a punishment of spouses for their sins, so religious means aimed at atoning for sin were considered most effective in combating this problem. This approach led to the spread of the so-called theurgical medicine, which associated all hopes for resolution from infertility with divine intervention.

While encouraging families to have many children, the clergy at the same time struggled with the attempts to solve the problem of childlessness by means of pagan rituals, potions, and spells that were sometimes used by women who wanted to have children. However, the church failed to completely get rid of the vestiges of paganism in the consciousness of the Old Russian person. Having reconciled with some of the rites, which took on a Christianized appearance (the so-called apocryphal prayers), the clergy always condemned any methods of influencing the body and soul of a person with the help of pagan means. Given that all the methods of treatment offered by folk medicine were considered effective only when accompanied by all sorts of spells and

---

⁷⁷ “A Conversation between Father and Son about Female Wickedness” [in Russian], in *Library of Literature of Ancient Rus*, ed. D.S. Likhachev, et al., vol. 15 (St Petersburg: Nauka, 2006), 452.

incantations, it can be argued that the church has struggled against those vestiges of paganism.

In the matters of preventing or terminating pregnancy as well as murder of newborns, the position of the church was unambiguous: these actions were regarded as murder. Responsibility for such acts increased depending on the severity of the crime, ranging from different periods of penance to making the culprit take monastic vows.

Список литературы

Арлес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / перевод с французского Я.Ю. Старцева. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. 416 с.

Вишневский А.Г. Эволюция российской семьи // *Экология и жизнь*. 2008. № 7. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430650 (дата обращения: 05.05.2021).

Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев: Издание книжного магазина Н.Я. Оглоблина, 1915. 699 с.

Герман Ф.Л. Врачебный быт до-петровской Руси (материалы для истории медицины в России). Харьков: Издание Адольфа Дарре, 1891. Вып. 1. 119 с.

Добряков А. Русская женщина в до-монгольский период. Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и компании, 1864. 128 с.

Долгов В.В. Детство как социальный феномен в контексте древнерусской культуры XI–XIII вв. Отношение к ребенку и стадии взросления // *Социальная история*. Ежегодник. 2007 / под редакцией Н.Л. Пушкаревой. Москва: РОССПЭН, 2008. С. 67–85.

Долгов В.В. Представления о причинах заболеваний в общественном сознании Древней Руси XI–XIV вв. // *Врач-аспирант*. 2004. Т. 62, № 1. С. 52–58.

Загоскин Н.П. Врачи и врачебное дело в старинной России. Казань: Типография Императорского Университета, 1891. 76 с.

Левина Е. Секс и общество в мире православных славян 900–1700 // «А се грехи злые, смертные...» Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.) / под редакцией Н.Л. Пушкаревой. Москва: Ладомир, 1999. С. 239–491.

Малахова А.С. Человек и болезнь в повседневной жизни Древней Руси (X – начало XVII в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставропольский государственный университет, 2011. 25 с.

Малахова А.С., Малахов С.Н. Феномен болезни в сознании и повседневной жизни человека в Древней Руси (XI – начало XVII века). Армавир: Дизайн-студия Б, 2014. 298 с.

Мирский М.Б., Богоявленский Н.А. Медицина Древней Руси. Москва: Родина, 2018. 414 с.

Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. Москва: ЗЕРЦАЛО-М, 2003. 415 с.

Мороз Е. Веселая Эрата: Секс и любовь в мире русского Средневековья. Москва: Новое литературное обозрение, 2011. 176 с.

Неволин К.А. Полное собрание сочинений: в 6 т. Санкт-Петербург: Типография Эдуарда Праца, 1857. Т. 3. История российских гражданских законов, ч. 1. Введение, кн. 1. О союзах семейственных. 444 с.

Нижник Н.С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2006. 272 с.

Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. Санкт-Петербург: Типография А.С. Суворина, 1903. 404 с.

Пушкарева Н.Л. Женщины в Древней Руси. Москва: Мысль, 1989. 286 с.

Пушкарева Н.Л. Мать и материнство на Руси (X–XVII вв.) // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени / под редакцией Ю.Л. Бессмертного. Москва: РГГУ, 1996. С. 305–341.

Пушкарева Н.Л. Репродуктивное поведение древнерусских женщин (X–XV вв.): поведенческие нормы церковных книг сквозь призму традиций и эмоций // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН (Смоленск, 13–16 октября 2016 г.): в 2 т. / под редакцией Н.Л. Пушкаревой, Н.А. Мицюк. Москва: ИЭА РАН; Смоленск: СмолГУ, 2016. Т. 1. С. 196–199.

Романов Б.А. Люди и нравы древней Руси. Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. Москва; Ленинград: Наука, 1966. 240 с.

Симолян Р.З. История медицины: с древнейших времен до современности. Чебоксары: Среда, 2020. 224 с.

Смирнов С.И. «Бабы богомерзкие» // «А се грехи злые, смертные...»: Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX века: в 3 кн. / составители Н.Л. Пушкарева, Л.В. Бессмертных. Москва: Ладомир, 2004. Кн. 2. С. 265–296.

Фахрисламова Р.Т. Феномен женской бездетности в России: исторические и социальные предпосылки // Социологический журнал. 2014. № 3. С. 33–54.

Шапков С.С. История русской женщины. Санкт-Петербург: Типография А.С. Суворина, 1879. 352 с.

Юшков С.В. Общественно политический строй и право Киевского государства. Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1949. 542 с.

References

Ariès, Ph. *Rebenok i semeinaya zhizn' pri Starom poryadke* [The child and family life in the Ancien Régime]. Translated from French by Ya.Yu. Startsev. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1999. (In Russian)

Dobryakov, A. *Russkaya zhenshchina v do-mongol'skii period* [The Russian woman in the pre-Mongol period]. St Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova i kompanii, 1864. (In Russian)

Dolgov, V.V. “Detstvo kak sotsial'nyi fenomen v kontekste drevnerusskoi kul'tury XI–XIII vv. Otnoshenie k rebenku i stadii vzrosleniya” [Childhood as a social phenomenon in the context of Old Russian culture of the 11th – 13th centuries. Attitude to the child and the stage of maturation]. In *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik. 2007* [Social history. Yearbook. 2007], edited by N.L. Pushkareva, 67–85. Moscow: ROSSPEN, 2008. (In Russian)

Dolgov, V.V. “Predstavleniya o prichinakh zabolevanii v obshchestvennom soznanii Drevnei Rusi XI–XIV vv.” [Ideas about the causes of diseases in the public consciousness of Ancient Rus in the 11th – 14th centuries]. *Vrach-aspirant*, vol. 62, no. 1 (2004): 52–58. (In Russian)

Fakhrislamova, R.T. “Fenomen zhenskoi bezdetnosti v Rossii: istoricheskie i sotsial'nye predposylki” [The phenomenon of female childlessness in Russia: Historical and social background]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 3 (2014): 33–54. (In Russian)

German, F.L. *Vrachebnyi byt do-petrovskoi Rusi (materialy dlya istorii meditsiny v Rossii)* [Medical life of pre-Petrine Rus (materials for the history of medicine in Russia)]. Iss. 1. Kharkov: Izdanie Adol'fa Darre, 1891. (In Russian)

Levina, E. "Seks i obshchestvo v mire pravoslavnykh slavyan 900–1700" [Sex and society in the world of the Orthodox Slavs 900–1700]. In "A se grekhi zlye, smertnye. . ." *Lyubov', erotika i seksual'naya etika v doindustrial'noi Rossii (X – pervaya polovina XIX v.)* ["And these are wicked, mortal sins. . ." Love, erotica and sexual ethics in pre-industrial Russia (10th – first half of the 19th century)], edited by N.L. Pushkareva, 239–491. Moscow: Ladomir, 1999. (In Russian)

Malakhova, A.S. "Chelovek i bolezn' v povsednevnoi zhizni Drevnei Rusi (X – nachalo XVII v.)" [Man and sickness in the everyday life of Ancient Rus (10th – early 17th century)]. PhD thesis. Stavropol State University, 2011. (In Russian)

Malakhova, A.S., and S.N. Malakhov. *Fenomen boleznii v soznanii i povsednevnoi zhizni cheloveka v Drevnei Rusi (XI – nachalo XVII veka)* [The phenomenon of sickness in the mind and everyday life of a person in Ancient Rus (11th – early 17th century)]. Armavir: Dizain-studiya B, 2014. (In Russian)

Mirskii, M.B., and N.A. Bogoyavlenskii. *Meditsina Drevnei Rusi* [Medicine of Ancient Rus]. Moscow: Rodina, 2018. (In Russian)

Momotov, V.V. *Formirovanie russkogo srednevekovogo prava v IX–XIV vv.* [The formation of Russian medieval law in the 9th – 14th centuries]. Moscow: ZERTsALO-M, 2003. (In Russian)

Moroz, E. *Veselaya Erata: Seks i lyubov' v mire russkogo Srednevekov'ya* [Jovial Erato: Sex and love in the world of the Russian Middle Ages]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. (In Russian)

Nevolin, K.A. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works], 6 vols. Vol. 3, *Istoriya rossiiskikh grazhdanskikh zakonov* [History of Russian civil laws], pt. 1, *Vvedenie* [Introduction], bk. 1, *O soyuzakh semeistvennykh* [On matrimony]. St Petersburg: Tipografiya Eduarda Pratsa, 1857. (In Russian)

Nizhnik, N.S. *Pravovoe regulirovanie semeino-brachnykh otnoshenii v russkoi istorii* [Legal regulation of family and marital relations in Russian history]. St Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2006. (In Russian)

Popov, G. *Russkaya narodno-bytovaya meditsina. Po materialam etnograficheskogo byuro knyazya V.N. Tenisheva* [Russian folk and home medicine. Based on the materials of the Ethnographic Bureau of Prince V.N. Tenishev]. St Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina, 1903. (In Russian)

Pushkareva, N.L. "Mat' i materinstvo na Rusi (X–XVII vv.)" [Mother and motherhood in Rus (10th – 17th centuries)]. In *Chelovek v krugu sem'i. Ocherki po istorii chastnoi zhizni v Evrope do nachala Novogo vremeni* [Man in the family circle. Essays on the history of private life in Europe before the beginning of the Modern Era], edited by Yu.L. Bessmertnyi. Moscow: RGGU, 1996. (In Russian)

Pushkareva, N.L. "Reproduktivnoe povedenie drevnerusskikh zhenshchin (X–XV vv.): povedencheskie normy tserkovnykh knig skvoz' prizmu traditsii i emotsii" [Reproductive behavior of ancient Russian women (10th – 15th centuries): Behavioral norms of church books through the prism of traditions and emotions]. In *Materinstvo i otsovstvo skvoz' prizmu vremeni i kul'tur: materialy Devyatoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii RAIZhI i IEA RAN (Smolensk, 13–16 oktyabrya 2016 g.)* [Motherhood and fatherhood through the prism of time and cultures: Proceedings of the Ninth international scientific conference of Russian Association for Researchers in Women's History (RARWH) and Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Science (IEA RAS) (Smolensk, October 13–16, 2016)], 2 vols., edited by N.L. Pushkareva, and N.A. Mitsyuk, vol. 1, 196–99. Moscow: IEA RAN; Smolensk: SmolGU, 2016. (In Russian)

Pushkareva, N.L. *Zhenshchiny v Drevnei Rusi* [Women in Ancient Rus]. Moscow: Mysl', 1989. (In Russian)

Romanov, B.A. *Lyudi i nnavy drevnei Rusi. Istoriko-bytovye ocherki XI–XIII vv.* [People and customs of Ancient Rus. Historical and everyday-life essays of the 11th – 13th centuries]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966. (In Russian)

Shashkov, S.S. *Istoriya russkoi zhenshchiny* [History of the Russian woman]. St Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina, 1879. (In Russian)

Simonyan, R.Z. *Istoriya meditsiny: s drevneishikh vremen do sovremennosti* [History of medicine: From ancient times to the present]. Cheboksary: Sreda, 2020. (In Russian)

Smirnov, S.I. “Baby bogomerzkie” [Impious women]. In “*A se grekhi zlye, smertnye...*” *Russkaya semeinaya i seksual'naya kul'tura glazami istorikov, etnografov, literatorov, fol'kloristov, pravovedov i bogoslovov XIX – nachala XX veka* [“And these are wicked, mortal sins. . .” Russian family and sexual culture through the eyes of historians, ethnographers, writers, folklorists, jurists, and theologians of the 19th – early 20th centuries], 3 vols., compiled by N.L. Pushkareva, and L.V. Bessmertnykh, vol. 2, 265–96. Moscow: Ladomir, 2004. (In Russian)

Vishnevskii, A.G. “Evolyutsiya rossiiskoi sem'i” [Evolution of the Russian family]. *Ekologiya i zhizn'*, no. 7 (2008). Accessed May 5, 2021. https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430650 (In Russian)

Vladimirskii-Budanov, M.F. *Obzor istorii russkogo prava* [Review of the history of Russian law]. Kiev: Izdanie knizhnogo magazina N.Ya. Ogloblina, 1915. (In Russian)

Yushkov, S.V. *Obshchestvenno politicheskii stroi i pravo Kievskogo gosudarstva* [Socio-political system and law of the Kievan state]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury, 1949. (In Russian)

Zagoskin, N.P. *Vrachi i vrachebnoe delo v starinnoi Rossii* [Doctors and medical practice in ancient Russia]. Kazan: Tipografiya Imperatorskogo Universiteta, 1891. (In Russian)

Информация об авторе

Светлана Владимировна Омелянчук – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и литературы (ИФЛИ), <https://orcid.org/0000-0002-8161-8552>, omelyanchuks@mail.ru, Российский институт театрального искусства – ГИТИС (д. 6, Малый Кисловский пер. 125009 Москва, Россия).

Information about the author

Svetlana V. Omel'yanchuk – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Literature, <https://orcid.org/0000-0002-8161-8552>, omelyanchuks@mail.ru, Russian Institute of Theatre Arts – GITIS (6, Maly Kislovsky per., 125009, Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 17.11.2021; одобрена после рецензирования 13.01.2022; принята к публикации 20.01.2022.

The article was submitted 17.11.2021; approved after reviewing 13.01.2022; accepted for publication 20.01.2022.